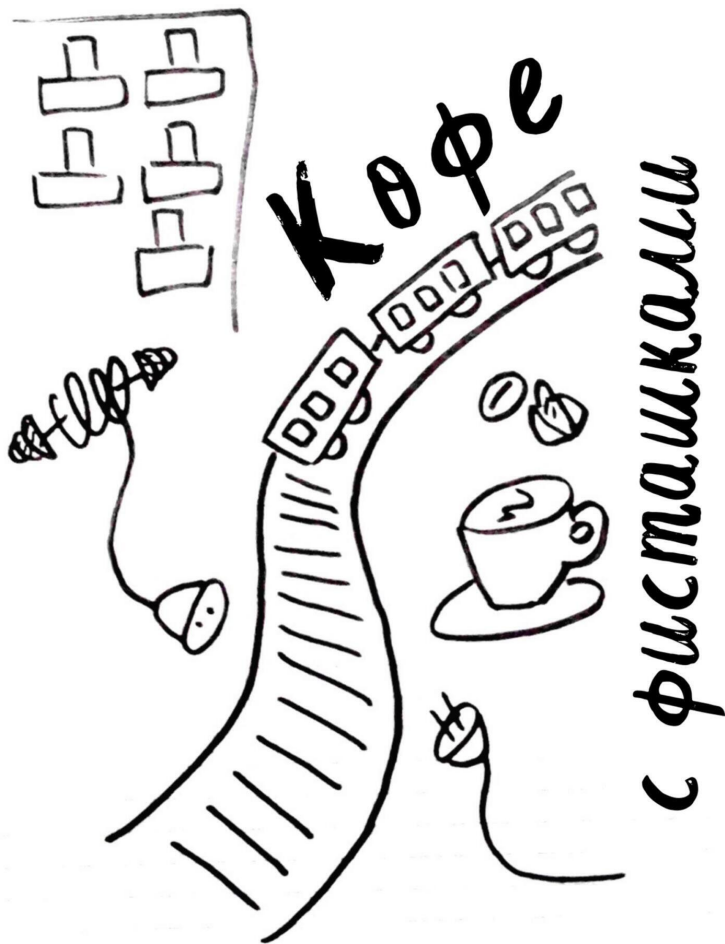

ОЛЬГА КЕДУК

Ольга Кедук

Кофе с фисташками

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68738604

SelfPub; 2023

Аннотация

Я фрилансер, живущий в маленьком городе. А потому – завсегда тай тихих и уютных кофеен, где никто не помешает разложить ноутбук и погрузиться в работу. Однажды в нашем городе появилась она. Странная девушка целыми днями бродит по скверам или пьёт кофе в моих любимых заведениях. Она мало с кем общается, лишь наблюдает за людьми и иногда открывает свой блокнот...

Ольга Кедук

Кофе с фисташками

Я никогда не слышала, где она живет.

Мы встречались в кофейнях и кондитерских, изредка по будням – в скверах нашего маленького городка.

В кафешках она всегда садилась у окна и внимательно туда смотрела. Даже поздними вечерами, когда в окно можно было разглядеть лишь тусклое отражение столиков и посетителей, она не изменяла своим привычкам.

Иногда она записывала что-то на тонких салфетках или в маленькую тетрадь пружинного переплета.

Я понятия не имела, чем она занимается.

Она всегда пила кофе. И, если заказывала что-то к нему, это были изысканные и очень странные десерты: в шоколад она просила добавить больше перца, а для творожного мусса не жалеть имбиря.

Сидя в ожидании заказа, она одну за другой выщелкивала из обтянутого кожей подсигарника короткие крепкие сигареты.

Наблюдая за ней впервые, я подумала, что так много курить может только человек, находящийся в мучительном ожидании кого-то очень важного...

После я поняла, что она ждет всю жизнь.

Я никогда не видела рядом с ней кого-либо, кроме слу-

чайных незнакомцев.

Казалось, ей интересен весь мир – каждый прохожий без единого исключения, и – никто конкретно.

Однажды в самом центре города я увидела рекламный плакат: «Девушка, пившая кофе в кафе «КофеФея» в субботу 17 ноября в 10 утра! Жду тебя там же каждый вечер после 19:00»

Я помнила ту субботу.

Тем утром мы обе были там: она с арабским кофе, я – с травяным чаем.

А еще там завтракала компания молодых парней, явно только вернувшихся из далекого путешествия: все в длинных меховых пальто и с объемными, но очень аккуратными чемоданами.

Встретив её в десерт-кафе после того случая, я не удержалась и спросила разрешения подсесть. Она спокойно кивнула и передвинула пепельницу, освобождая место для моей чашки.

Представляться, или даже здороваться, казалось мне настолько лишней условностью, что я сразу спросила про «КофеФею» – видела ли она стенд? Ходила ли на встречу?

Она лишь рассмеялась в ответ.

Потом поморщилась, неуютно повела плечами, и этим ответила на все вопросы.

А потом предложила угоститься сливочным эклером.

Видимо, за полгода случайных встреч не только я успела

изучить её вкусы...

Мы продолжали встречаться и иногда даже здоровались, но больше не садились вместе.

Я так и не узнала её имя.

Круглый год она ходила в джинсах и длинных пайтах с капюшоном поверх просторной клетчатой рубашки. Она никогда не пользовалась косметикой, а длинные темные волосы собирала в кособокий пучок на макушке – с такой восхитительной небрежностью, что, спустя год после нашей первой встречи, я стала замечать такие прически у подиумных моделей – только там каждый «петух» и каждую неаккуратно торчащую прядку укладывали полдюжины стилистов и парикмахеров.

Хотя едва ли я обратила бы на это внимание, если бы не тот, наш единственный, но ставший самым увлекательным в моей жизни, поздний разговор.

Я впервые сидела к ней так близко.

Она была вся тонкая, почти прозрачная. С худыми запястьями и узкими ладонями. Ногти – нервно обкусаны. Она не носила ни часов, ни браслетов, ни колец. Тонкие локти терялись в рукавах рубашки, которая была ей явно велика.

Она постоянно вздрагивала и непрерывно отстукивала пяткой неизвестную мелодию, которая звучала только в её голове.

Я не помнила, чтобы хоть раз видела её улыбку – только однажды она заливисто хохотала на мой вопрос о свидании

в кофейне.

Даже во время разговора её вечно прищуренные глаза пытались что-то разглядеть в темном окне.

Мне не было интересно ни её имя, ни возраст. Только – что она всё время записывает в свою пухлую тетрадку.

На вопрос она задумалась.

– Я, знаешь кто?.. Я – вроде как проститутка, только идейная.

Я смутилась.

Она, заметив это, не засмеялась – улыбка мелькнула только в её глазах, хотя губы остались неподвижны.

– Я продаю свои идеи.

Из маленького обтрепанного рюкзака она достала свою тетрадь.

Между страниц выглядывали измочаленные края захватанных салфеток.

Она откинула обложку.

В тетради были не записи, как я всегда считала, а крохотные кривые рисунки. Чем-то это напоминало наскальную живопись, чем-то – детские ребусы.

– Я никогда не умела работать, – не то пожаловалась, не то похвасталась она. – Зато я умею придумывать. И оказалось, что кто-то мои мысли охотно купит – нужно только придумать, кто, и предложить.

Я только удивленно моргала, настолько безумной мне казалась идея продавать свои мысли...

Она снова полезла в рюкзачок и вывалила на столик целую кучу стиков сахара из разных заведений.

– Смотри. – Она взяла один, покрутила в пальцах. – Помнишь, раньше были квадратные пакетики? Его берешь, нужно растрясти, а, если сахар промок, то размять. Потом оторвать уголок... Высыпать в чай. А, чтобы высыпать весь сахар, приходилось его разными сторонами вертеть...

Она сделала паузу, разглядывая белый стик.

– Меня это всегда раздражало. А теперь – смотри.

Она ловко перевернула бумажную палочку, положила на указательный и средний пальцы, а большим придавила сверху, ломая её.

Бумага разорвалась ровно посередине. Сахар высыпался на стол.

Её пальцы засуетились, сметая белый песок в кучку и по щепотке собирая в салфетку.

– Эту купили первой. Лет... – она задумалась, – пятнадцать назад.

Я только и могла, что глупо улыбаться.

– Сейчас я вот – придумала.

Она открыла тетрадь где-то посередине, словно наугад. Мой взгляд сразу же заблудился в калейдоскопе крохотных рисунков.

– Доставай, – она кивнула на мою сумку для ноутбука – неизменный спутник фрилансера, ищущего идеальное рабочее место в кофейнях города.

Я извлекла ноутбук, положила на стол.

Она нетерпеливо замахала ладонью, показывая: ещё, ещё!

Я достала кабель зарядки, а за ним небольшой метровый удлинитель на одну вилку.

– Неудобно, правда? – спросила она. – Столики возле розеток часто заняты, а длины зарядника не хватает. А теперь представь, – она дотронулась тонким пальцем до кругляша розетки в стене. – Нажимаешь сюда. И она выщелкивается. А там – длинный кабель. Такой длинный, какой надо, а внутри намотан на автоматическую катушку.

Я покачала головой. Как? Откуда? Откуда такие идеи?..

Она не знала.

– Это просто, – говорила она, перебирая пальцами черный, остро заточенный карандаш. – Как вот... кофе с фишашками. Пробовала?

Я не пробовала.

– Да, – она кивнула. – Это потому что его никто не делает. Это просто, очень вкусно. Но с миндалем делают, с мускатом делают... С кедром, как «здрости». А с фишашками – нет. Никто ещё не додумался.

Я понимала.

Мы говорили о чем-то еще. Она рассказывала, как появляются у неё идеи, как она ищет на них покупателя. А после снова сидит, пьет кофе и курит.

Ушла я поздно вечером.

К концу зимы я перестала её встречать.

Не зная, что думать и стоит ли волноваться, я спросила о ней официанта, который давно узнавал нас обеих.

Я оставила для неё салфетку – нарисовала там кофейную чашку и поставила вопросительный знак.

А через пару дней получила ответ – листик, криво вырванный из блокнота, а на нем кособокий, уходящий в бесконечность, поезд.

Она уехала из нашего города, когда пришла весна.

А где-то к концу марта в нашей любимой кофейне сделали ремонт – поставили новый столики из прозрачного пластика.

А вместе с меню давали спиртовые маркеры, какими пишут обычно на досках в университетах – ими можно было оставить записку тому, кто придет в кафе после тебя.